

Генерал И. П. Михайлин

Ещё и теперь многие берестовичане помнят тот погожий мартовский день 1975 года. Торжественно-траурная процессия, посвящённая перезахоронению останков генерал-майора И. П. Михайлина, под звуки военного духового оркестра двигалась от районного Дома культуры до братской могилы возле памятника «Скорбящая



мать». Здесь колонну встречал живой коридор из ветеранов Великой Отечественной войны, комсомольцев и пионеров с цветами в руках.

После краткого митинга, под звуки Государственного Гимна СССР и залпы оружейного салюта прах боевого генерала со всеми почестями был перезахоронен на белорусской земле, на которой он погиб на 2-ой день войны. Одной из улиц посёлка присвоено его имя. В советское время многие пионерские отряды и комсомольские организации в берестовицких школах также носили его имя.

Родился Иван Михайлин на Новый год – 1 января 1892 года в Тульской области в крестьянской середняцкой семье. В 1906 году окончил в Москве коммерческое училище, и в 15 лет устроился конторским переписчиком. Потом работал на одном из московских заводов, где, по его собственному признанию, прошёл «пролетарскую закалку». Именно это общение с рабочими повлияло на его дальнейший жизненный путь.

В сентябре 1915 года, когда во всю полыхала 1-ая мировая война, Ивана Михайлина мобилизовали в российскую армию (её часто называли и называют ещё и теперь «царской» армией). Служил сначала в запасном полку, учился сам военному мастерству, затем обучал других. Потом был переведён в действующую армию на Северном фронте. Принимал участие в боях с немцами возле города Двинска, озера Дрисвяты (Беларусь), местечка Анисимовичи. Проявлял чудеса храбрости, поэтому быстро повышался в званиях: рядовой, ефрейтор, унтер-офицер, старший унтер-офицер, командир взвода. За храбрость

награждён 2-мя Георгиевскими крестами. В марте 1917 года, после Февральской революции, вступил в военную организацию большевиков, возглавил солдатский полковой комитет.



В феврале 1918 года добровольно вступил в Красную гвардию, которая позже вошла в состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Сначала три месяца служил командиром роты, а с сентября 1918 года по май 1919 года – помощник командира полка с исполнением обязанностей начальника команды пеших разведчиков.

В эти годы на долю 27-летнего Ивана Михайлина выпало большое нравственное испытание. С июля 1918 года по май 1919 года его роту, потом и полк бросают на «ликвидацию эсеровского кулацкого восстания» во Владимирской губернии, в ноябре того же года – на борьбу с «белогвардейским восстанием» в Рязанской губернии, в декабре этого же года – на ликвидацию эсеровско-кулацкого восстания в Ковровском уезде, в январе – феврале 1919 – на подавление «белогвардейского восстания» опять-таки в один из районов Владимирской губернии.

Как рассказывала уже потом его жена Татьяна Афанасьевна, красный командир Иван Михайлин, возвращаясь домой после разгрома «эсеровских и белогвардейских кулацких мятежей», недоумевал и болезненно переживал своё участие в этих боях. Среди «мятежников» он не видел белогвардейцев, там было такое же «мужичьё», как его дед, отец, односельчане... Не понимал он тогда, в чём причина вооружённых крестьянских мятежей. Ведь советская власть землю дала крестьянам, а они выступают против неё с оружием в руках... И только в конце 30-х он на многое уже смотрел по-другому...

После окончания гражданской войны (в 1920–1924 гг.) И.П.Михайлин служит командиром бригады, одновременно исполняет обязанности губернского военного комиссара, затем военным комиссаром, начальником политотдела дивизии.

В характеристике того времени говорится: ... *Дисциплинирован и требует её от своих подчинённых. Образованный и политический кругозор достаточный. Умеет разбираться в обстановке. Принимает участие в военно-научной работе, политически развит, авторитетом пользуется как среди красноармейцев, так и политсостава. Имеет склонности к командной работе. Должности Военного комиссара*

дивизии и начальника политотдела дивизии вполне соответствует ...

Через год в личном деле появилась новая запись: ... Хорошо развит и политически вполне грамотен. Энергичен, дисциплинирован. Настойчив в проведении принятых решений. Имеет достаточный стаж работы в Красной Армии на самостоятельной работе. Иногда недостаточно умеет использовать работников своего аппарата. По своему характеру больше командует, чем управляет аппаратом. Здоров, обладает инициативой. Как партиец, выдержан. При условии пропуска через курсы и стажировку можно перевести на командную должность. Пока целесообразно оставить на политработе для получения необходимых навыков. Тем более, что сам он не высказывает желаний о переходе на командную работу...

Очень тепло вспоминает о И.П.Михайлине того времени в книге воспоминаний («Страницы жизни», М. 1965 г.) видный военачальник, генерал И.В.Болдин: ...Надо сказать, что нас с Михайлиным связывала давняя дружба. Впервые мы познакомились в 1928 году. Он сразу же привлёк моё внимание своими незаурядными военными знаниями, ярким умом, большой эрудицией. Длительное время Михайлин был армейским политработником. Потом стал строителем.

Это был замечательный человек, способный командир, чуткий товарищ. Всех знакомых он поражал своим неиссякаемым оптимизмом, жизнерадостностью...

Очень благоприятными для Ивана Михайлина были 1930 – 1932 годы. Это было время учёбы в отдельной группе высшего командного состава в Краснознамённой военной Академии Красной Армии имени Фрунзе. После её окончания в Управление кадров РККА поступило резюме из Академии им. Фрунзе: ...И. П. Михайлин – слушатель Особой группы высшего начальствующего состава Краснознамённой Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе. Прямолинеен и принципиален. С твердой волей. Решителен. Отлично дисциплинирован. Авторитетом пользуется. Бессменный секретарь партколлектива. Политически развит хорошо. Курс социально-экономических дисциплин усвоен хорошо. Академическая программа усвоена также хорошо. По своим знаниям и подготовке соответствует должности командира корпуса, но в связи с отсутствием практики в командовании - целесообразно назначить на должность командира – дивизии...

После окончания военной Академии имени Фрунзе в октябре 1932 г. И. П. Михайлин назначается командиром 49-ой стрелковой дивизии, которая дислоцировалась в Костроме. На этой должности он прослужил почти 5 лет, по май 1937 года.

Вот что о нём писал в 1985 году в книге воспоминаний «Время далёкое и близкое» (Москва, Воениздат) его сослуживец Коньков В.Ф.:

*...И ещё об одном человеке расскажу. О командире дивизии Иване Прокофьевиче Михайлине. Дивизию он принял после окончания высших академических курсов при Военной академии РККА. Простой в обращении, чуткий к чужому горю, Иван Прокофьевич уважительно относился к людям. Он умел беседовать с молодыми командирами, особенно тянулся к тем, кто отличался пытливym умом, самостоятельным мышлением. Таких он всячески поддерживал. Я любил слушать его выступления на совещаниях командно-политического состава. Это были раздумья многоопытного военачальника о завтрашнем дне нашей армии, о роли человека в современной войне. **Бусяцкий, Чурсин, Михайлин...** Они были личностями в самом высоком понимании этого слова. Мы подражали им, учились у них, росли рядом с ними.*

За первые два года службы в должности командира дивизии, как об этом утверждается в аттестационных документах, он сумел в течение 1933 – 1934 годов резко поднять боевую подготовку дивизии, особенно по стрелковой, тактической, строевой и физической подготовке, внутреннему распорядку, дисциплине и маршевой подтянутости. Сумел за это время сплотить командный состав на решение задач по боевой и политической подготовке дивизии. В результате 49 дивизия за короткое время не только догнала соседние дивизии, но стала ведущей дивизией в корпусе.

Командование корпуса в 1934 году характеризовало И. П. Михайлина следующим образом: *...Обладает тактическим и оперативным кругозором. Волевой, решительный командир. Пользуется большим авторитетом в дивизии. Является настоящим единоначальником. Вполне соответствует занимаемой должности и достоин выдвижению на дивизию категории "Б"...*

В мае 1937 года И. П. Михайлина повышают по службе – переводят в Москву Начальником инженерного Управления Красной Армии. Казалось бы жить да радоваться...

Но много тревожных дней и ночей выпало на долю И.П. Михайлина во второй половине 1938 и в начале 1939 годов. Уже, казалось, покончили с «врагами народа» в 1937 году. Расстреляны Маршалы Советского Союза Тухачевский, Егоров, Якир и ряд высокопоставленных военачальников... Но «зачистки» в среде военных продолжались. Коснулись они и знакомых Михайлина.

В конце 1938 в начале 1939 года была арестована очередная группа военных, среди них были хорошо знакомые И.П. Михайлина: Полумордвинов и Михалёв, Фёдоров и Шкуратенко... Все они занимали высокие посты в Министерстве обороны, в командовании Красной Армии. С некоторыми из них у Ивана Прокофьевича были дружеские

или товарищеские отношения, с другими встречались по службе. Но он уже заметил, что по одному военных не арестовывают, а «загребают», как в то время говорили, в «чёрные воронки» и сослуживцев, и товарищей арестованных и их родственников, и просто знакомых. Как потом рассказывала жена Михайлина Татьяна Афанасьевна, которой, как будто предчувствуя свою близкую гибель, перед отъездом в Минск в январе 1941 года во всём признался Иван Прокофьевич, он ложился спать несколько месяцев на диване в рабочем кабинете с пистолетом под подушкой... Был готов, если придут за ним, пустить пулю себе в висок...

Думается, если Михайлин точно и не знал об истинных масштабах репрессий, то обо многом догадывался. Ведь многих известных военачальников, как «врагов народа», судили гласно, а менее известных – судили и приговаривали к смертной казни так называемые «тройки». И пропадали люди в подвалах НКВД бесследно... Но в случае с комбригом на сей раз пронесло...

«Приятельские отношения» Михайлина с «врагами народа» решили лишь обсудить на партийном собрании. Конечно, если бы партийное собрание исключило его из партии – ему бы наверняка было бы не сдобровать. Но, видимо, и у НКВД не было за что зацепиться, да и вся жизнь, служба, поведение были у Михайлина безупречными. И товарищи по службе, и партийная организация не дали его в обиду.

9 февраля 1939 года, после острых дебатов на партийном собрании, справедливость (хотя и не совсем) восторжествовала. В процессе разбирательства было установлено, что *«...товарищ Михайлин имел лишь бытовое общение с Полумордвиновым и Михалёвым, Шкуратенко и Фёдоровым, арестованными органами НКВД (взаимные посещения)»*.

Собрание постановило: *«...За притупление бдительности к ныне арестованным органами НКВД Полумордвинову, Фёдорову и другим и несообщение в партийную организацию о своих связях с ними; за непринятие мер к ликвидации последствий вредительства в деле маскировки, водоснабжения и инженерных сооружений, объявить И.П. Михайлину строгий выговор с занесением в учётную карточку...»*

Судьба пока и дальше продолжала быть благосклонной к Ивану Прокофьевичу. В сентябре 1939 года, несмотря на то, что у И. П. Михайлина, о чём говорилось выше, возникли определённые проблемы с НКВД, Народный Комиссар Обороны Союза ССР, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов и заместитель Наркома, Комиссар 1-го ранга Щаденко принимают решение рекомендовать И. П. Михайлина на должность командира стрелкового корпуса.

Поэтому, по словам Татьяны Афанасьевны, Иван Прокофьевич

высоко ценил доверие К.Е. Ворошилова и ту ответственность, которую он брал на себя своей рекомендацией. В январе 1941 года это ещё раз подтвердилось.

В справке Управления кадров Красной Армии говорится:

Партийной характеристикой за 1937 год характеризуется, как преданный и политически выдержанный член партии, имеющий большой практический опыт партийно-политической работы в Рабоче-крестьянской Красной Армии. Твёрдо проводит генеральную линию партии. Активно принимает участие в партийно-политической работе. Пользуется вполне заслуженным авторитетом. По должности командира стрелковой дивизии аттестован положительно. В порядке продвижения в 1937 году был назначен Начальником инженерного Управления Красной Армии. Волевой, решительный командир. Обладает тактическим и оперативным кругозором. Будучи командиром дивизии, сплотил начальствующий состав вокруг боевой и политической подготовки дивизии, которая с 1934 года занимала ведущее место в корпусе...

Сентябрь 1939 года.

В связи с этим 20 сентября 1939 года, досрочно, (а не через год, как того требовалось тогдашней партийной инструкцией) И.П.Михайлин обращается в партийную комиссию Центрального Управления Народного Комиссариата Оборона с просьбой снять партийное взыскание. Партийная организация поддержала ходатайство комбрига... Тем более, что кое-кто из ранее арестованных сослуживцев был освобождён из застенков НКВД. Но не тут то было... Партийная комиссия приняла решение: **«...В снятии партийного взыскания товарищу Михайлину отказать...»**

Это теперь может кому-нибудь показаться: подумаешь, какой то партийный выговор... А в те времена, да и в более поздние – 1970–1980-ые годы – с партийным взысканием о продвижении по службе думать не приходилось. А в 1930-ые – и подавно... Мало того, НКВД в любой момент могло такого человека «прихлопнуть» – и поминай как звали... Тем более с формулировкой: **«...за притупления бдительности... и несообщение о своих связях...»**

7 мая 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР установил новый перечень высших воинских званий в Красной Армии. Вместо комкоров, комбригов, комдивов вводились генеральские, полковничьи и другие офицерские звания. Правительственная Комиссия изучала характеристики Высшего командного состава, готовила представления на новые звания. В партийной характеристике И. П. Михайлина того времени говорилось:

...Товарищ Михайлин И.П. командует корпусом с сентября 1939

года. Член ВКП(б) с 1917 года. Активный, с большим стажем партийно-политической работы.

Политически развит хорошо, работает над собой. Всегда в курсе международной и внутренней политики. Много и плодотворно работает над сколачиванием частей. В большой организационной работе вместе с парторганизацией показал умение сплотить людей на решение задач, нацелить парторганизацию и выполнить в сроки поставленные правительством задачи. Авторитетный товарищ не только в своей парторганизации, но и в городской. Характерна большевистская организованность, умение сплотить людей. Чуткий, отзывчивый, политически выдержанный, партии и Родине преданный товарищ.

*Член Военного Совета Приволжского военного округа Желтов.
15 мая 1940 года.*

В представлении Военного Совета Приволжского Военного округа Правительственной комиссии от 15 мая 1940 г. говорилось:

Командир 66-го стрелкового корпуса, комдив Михайлин Иван Прокофьевич хорошо подготовленный командир, с большим практическим опытом. Должности командира корпуса соответствует. Достоин присвоения военного звания генерал-лейтенант.

В первом же Постановлении Совета Народных Комиссаров от 4.06.1940 г. о присвоении воинских званий **командиру корпуса И. П. Михайлину присвоено звание генерал-майора... Но не генерал-лейтенанта**, как о том ходатайствовало командование Приволжского военного округа. Возможно, на это оказало влияние и то партийное взыскание, объявленное 9 февраля 1939 года «...за притупление политической бдительности...»

19 ноября 1940 года И. П. Михайлин ещё раз обратился с заявлением в Партийную комиссию, но уже не при Центральном Управлении Народного Комиссариата Оборона, а при Главном Управлении политической пропаганды Красной Армии. При рассмотрении заявления было установлено: ...9 февраля 1939 года парткомиссией Центрального Управления Народного Комиссариата Оборона СССР объявлен строгий выговор за притупление бдительности к Полумордвину, Михалёву, Федорову, Шкуратенко, впоследствии арестованными органами НКВД и «непринятие решительных мер к ликвидации последствий вредительства в деле маскировки, водоснабжения и инженерных сооружений».

Установлено: т. Михайлин имел бытовое общение с Полумордвиновым и Михалёвым, впоследствии арестованными органами НКВД (взаимные посещения). Шкуратенко и Фёдоров, в

притуплении бдительности к которым обвинялся т. Михайлин, из-под ареста освобождены. Обвинение т. Михайлина в «непринятии решительных мер к ликвидации последствий вредительства» не доказано. По отзыву Военного Совета Приволжского Военного Округа товарищ Михайлин в период работы командиром стрелкового корпуса показал себя знающим, работоспособным, культурным командиром, хорошим организатором.

ПОСТАНОВИЛИ: снять с товарища Михайлина И.П. строгий выговор, объявленный от 9 февраля 1939 года...

Военный опыт, знания, эрудиция и, главное, стремление к научной работе тоже были замечены. В 1940 – январь 1941 г. Иван Прокофьевич работал старшим преподавателем Академии Генерального Штаба Красной Армии. Но в один из январских дней Михайлину позвонили из приёмной Народного Комиссара Обороны К.Е. Ворошилова и сообщили, что перед отправлением генерала на место нового назначения в Западный Особый военный округ в г. Минск с ним хочет встретиться товарищ Сталин.

Но по неизвестным причинам встреча со Сталиным так и не состоялась. Зато состоялась обстоятельная встреча с Маршалом Советского Союза, Народным Комиссаром обороны К.Е. Ворошиловым и Начальником Генерального Штаба Г.К. Жуковым.

Ворошилов, ссылаясь на занятость Сталина, передал Михайлину настоятельное требование отдать все свои силы и знания скорейшему развёртыванию и завершению строительства системы укреплений на Белостокском выступе и фортах в районе Гродно. Это наиболее уязвимый район со стороны предполагаемого противника.

И когда Михайлин попытался ещё что-то уточнить, ссылаясь на пакт Молотова-Риббентропа, Маршал его остановил и ещё раз подчеркнул: строительство оборонительных рубежей на этом направлении имеет первостепенное значение. Неспроста туда Командующим Западным Особым военным округом в июне 1940 года назначен молодой, но боевой, талантливый военачальник, генерал армии Павлов (кстати, по свидетельству военных и признанию историков его очень высоко ценил Сталин – Ред.), который прошёл боевой путь в Испании, на Холхин-Голе, во время Финской компании. В Западный округ направлен опытный строитель оборонительных сооружений генерал Карбышев.

Прибыв в Минск и ознакомившись с обстановкой, Михайлин сделал вывод: работы непочатый край. Тем более, что январь 1941 года выдался жутко морозным и о продолжении строительных работ зимой не могло быть и речи. Но только погода стала немного налаживаться, строительство развернулось полным ходом.

Михайлин, используя все свои организаторские способности и все виды транспорта, колесил по всей западной границе Западного Особого военного округа – от Бреста до Августово. И всё больше убеждался, что самое уязвимое место – это Белостокский выступ. К строительству оборонительных сооружений он всячески старался привлечь не только военных, но и мирное население. С этой целью он тесно сотрудничал с руководством Белостокской области и отдельных районов. Особенно тех, где строились аэродромы: Крынковского, Волковысского, Мостовского. Это по его предложению (И. П. Михайлина) мирному населению, участвующему в строительстве оборонных объектов, вместо обязательных отработок (шароварков) стали платить деньги. В том числе и берестовичанам.



Но несмотря на предпринимаемые меры – война неумолимо приближалась. Иван Прокофьевич, как человек, чувствовал её приближение всеми фибрами души, а как военачальник – имел доступ и до секретных разведывательных данных. После получения его последней телеграммы, отправленной Михайлиным 21.06.1941 г. из Замброва и полученной ею в 21 июня в 23.30 за несколько часов до войны, своей жене в Москву, у Татьяны Афанасьевны, всё оборвалось внутри. Молнией обожгла мысль: это – конец, это – последняя весточка. Любящие сердца умеют читать между строк, чувствуют интуитивно, понимают друг друга с полуслова. До начала войны ещё оставалось 4 часа 30 минуты.

Генерал Михайлин И.П., помощник командующего Западного Белорусского особого военного округа по строительству укрепленных районов, встретил войну под Белостоком, где создавался Белостокский оборонительный узел. Находящиеся на строительстве инженерные части, а также стрелковые подразделения уже в первые часы военных действий заняли ещё не подготовленные к обороне и не достроенные

ДОТы и ДЗОТы и ограниченными силами отражали атаки гитлеровских захватчиков. На оборонявшиеся советские части враг обрушил всю мощь своей артиллерии. Налёт за налётом совершала фашистская авиация, бомбя и обстреливая из пушек и пулемётов, уничтожая технику, людей, всё живое. В таких неимоверно тяжёлых условиях встретил войну генерал-майор И. П. Михайлин и сделал всё возможное для отражения наступления. По словам адъютанта Михайлина Е.И.Крицина, 22 июня Михайлин, несмотря на царившую неразбериху, хаос, нехватку оружия, отсутствие связи с командованием округа, сумел организовать разрозненные воинские подразделения и отразить несколько атак врага. Бои продолжались до поздней ночи. Ночью оставшиеся в живых полторы сотни красноармейцев оставили позиции и вышли на рубеж Соколка-Крынки, и закрепились юго-западнее Соколки и 23 июня утром тут же вступили в бой.

В конце дня состоялась встреча Михайлина с заместителем командующего войсками Западного Особого военного округа генерал-лейтенантом Иваном Васильевичем Болдиным, который со своим штабом был в этих местах. Вот как об этом впоследствии писал И.В.Болдин в своей книге воспоминаний «Страницы жизни» (М., 1961 год):

...Как раз, когда я сидел в палатке, обуреваемый мрачными мыслями, меня разыскал помощник командующего войсками округа по строительству укрепленных районов генерал-майор И.П. Михайлин. Война застала его на одной из строек. С боями отступая вместе с войсками, он случайно узнал, где наш штаб и приехал на КП.

Мы только начали беседовать, как над траншеями показались вражеские самолёты. Они сделали всего два захода, беспорядочно сбросили бомбы и улетели. Урон у нас небольшой, но среди убитых наш гость. Осколок сразил генерала Михайлина наповал. Его гибель особенно поразила меня нелепой случайностью.

Это был замечательный человек, способный командир, чуткий товарищ. Всех знакомых он поражал своим неиссякаемым оптимизмом, жизнерадостностью. С лица его, казалось, никогда не сходила улыбка. А сейчас он лежит бездыханный и тоненькая красная струйка медленно расползается по бледнеющей щеке.

Гробом нашему замечательному товарищу служит плащ-палатка. Мы завернули в неё генерала Михайлина и бережно опустили в могилу недалеко от места его гибели. Молчим. И только вокруг нас и над нами слышен омерзительный гул войны.

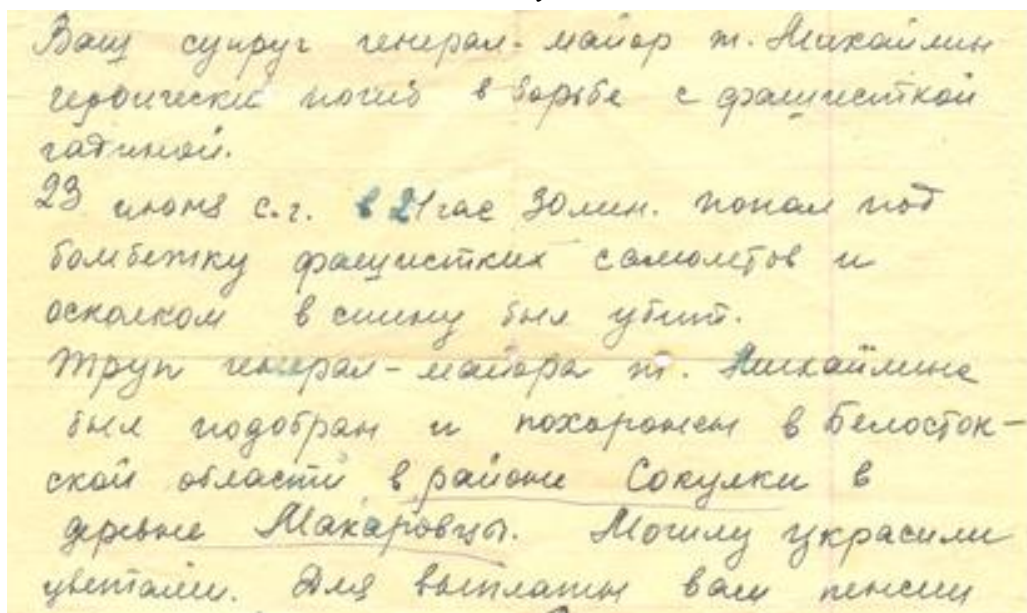
Тугая боль сжимает сердце. Рядом со мной лихой кавалерист Никитин. Много смертей он повидал на своём веку, а сейчас плачет. У меня в горле сухой ком. Он мешаешь дышать, стискивает грудь. Нервы

накалены до предела, а слёз нет.

Над нами низко летают вражеские самолёты. В скорбном молчании стоим у свежей могилы, над которой только что дали оружейный салют. Крицын раздобыл кусок фанеры, прибил его к колышку, вставил в рыхлую землю. На фанере чернильным карандашом выведено: «Здесь похоронен славный генерал Красной Армии товарищ Михайлин, погибший в боях за Родину 23 июня 1941 года».

В книге «Солдат Родины», изданной на Украине в 1979 г., М.Д.Максимцов, участник тех событий, пишет: «В один из таких налётов вражеской авиации погиб генерал-майор И.П. Михайлин, помощник командующего Западным Особым военным округом по строительству укрепрайонов.

...Над свежей могилой стоят генералы Болдин и Никитин и каждый молча смотрит на только что выструганную дощечку с надписью: «Здесь похоронен славный генерал Красной Армии товарищ Михайлин, погибший в боях за Родину 23 июня 1941 года».



Как выяснилось позже, боевые друзья и товарищи были вынуждены захоронить своего командира у деревни Макаровцы. О смерти Ивана Прокофьевича семье сообщил его близкий друг генерал-полковник Гордовиков О.И. Кроме того было получено письмо от адъютанта Крицина Е.И., который сообщил о том, что «...генерал-майор т. Михайлин героически погиб в борьбе с фашистской гадиной 23 июня с. г. в 21 час 30 мин. Попал под бомбёжку фашистских самолётов и осколком в спину был убит. ...Генерал-майор т. Михайлин и похоронен в Белостокской области в районе Сокулок в деревне Макаровцы...»

... Прошли годы, отгремел салют Победы над злейшим врагом человечества – германским фашизмом, Родина залечивала раны, нанесённые войной. Белорусский народ, вынесший на своих плечах всю тяжесть оккупации, к середине 60-х годов восстановил разрушенные оккупантами города и сёла, увековечил в камне и бронзе погибших воинов и партизан. Но ещё много безымянных могил было в 60-х годах на белорусской земле. Не было точно известно и место захоронения генерала Михайлина. Да, собственно говоря, ни в Берестовицком районе, ни в Макаровцах никто и не знал, что здесь покоится прах известного генерала.

Через четырнадцать лет после гибели генерала его сын – Михайлин Анатолий Иванович приступил к поиску места захоронения своего отца.

Те немногие данные, которые были сообщены Крициным Е.И., не позволяли определить, где точно находится деревня Макаровцы, где точно могила Михайлина, знает ли кто о ней? Прошло столько времени! Обращение в архив Министерства обороны СССР по данному вопросу – и первая неудача – никаких документов, которые позволяли бы установить место захоронения, в архиве не оказалось. Начался длительный и кропотливый поиск людей, которые знали о последних часах жизни Ивана Прокофьевича, которые могли бы вспомнить и рассказать хотя бы приблизительно, где он похоронен. Чтобы получить ответы на все вопросы, нужно было ждать и ждать терпеливо! Писем и встреч у Михайлина – сына с сослуживцами Ивана Прокофьевича было много. Для примера приведём лишь одно письмо Бурякова К.Т., адресованное жене Михайлина, в котором он писал о том, что «...за два-три часа до начала войны 1941 года 22 июня... Иван Прокофьевич был у меня в местечке Цехановец на преждней границе... на реке Буг».

Иван Прокофьевич был у меня в местечке Цехановец на преждней границе с Германией на реке Буг. Это в 73 укрепрайоне (УР) где я был начальником 15 участка. Он внутренне и задушевно беседовал со мной и уехал; а мы продолжали работать в задушевные носе его беседы. Иван Прокофьевич взял у меня список лучших воеволюбующих для награды; и уехал в Ломжу – Градо.

Как рассказывал автору этих строк Анатолий Иванович, переписка и встречи с сослуживцами генерала, особенно с Болдиным И.В. и Крициным Е.И., позволили достаточно точно установить место захоронения отца: западная окраина деревни Макаровцы, высота 166, Берестовицкого района Гродненской области.

В середине сентября 1964 года Анатолий Иванович прибыл в деревню Макаровцы и остановился, по его словам, у очень чутких и отзывчивых людей – директора местной школы Трофименкова Владимира Ивановича и его жены Анастасии Степановны, которые приняли самое активное участие в поиске места захоронения И. П. Михайлина. Владимир Иванович подключил к розыску могилы учителей, комсомольцев и пионеров школы.

После длительных расспросов жителей деревни было установлено, что в самом начале войны в районе старого кладбища на холме (высота 166) появилась могила, в которой был захоронен военнослужащий Красной Армии (то ли это офицер, то ли это солдат, никто из жителей ничего не мог сказать, ибо хоронили только военные и после похорон уехали, не задерживаясь в деревне). Да и деревня в тот день была будто бы вымершая: был второй день войны, люди прятались по лесам и подвалам. А в воздухе носились вражеские самолёты, сбрасывая свой смертоносный груз.

Словом, к 1964 году явно выраженных следов места захоронения не осталось, опрошенные жители могли показать безымянную могилу только приблизительно (да и то не все). Получив соответствующее разрешение местных органов власти, и при активном участии работников Свислочского районного военного комиссариата (Берестовитчина тогда входила в состав Свислочского района) было принято решение о проведении 29 сентября 1964 г. раскопок в месте предполагаемого захоронения генерала Михайлина И.П.

Проведённые раскопки положительных результатов не дали.

Необходимо было дальше продолжать поиск! Но, как рассказывал Анатолий Иванович, теперь он был не один, теперь в поиск места захоронения генерала Михайлина включились партийные, советские и военные органы района, учителя и ученики Макаровской 8-летней школы. Начался, если так можно выразиться, третий этап поиска. Разыскивались очевидцы тех далёких событий лета 1941 года, опять проводились опросы местных жителей деревни Макаровцы и других деревень района, а так же людей, которые по тем или иным причинам уехали из деревни в другие места. Сложность поиска места захоронения осложнялась тем, как вспоминает бывший директор школы Трофименков В.И., что *«в день захоронения Михайлина – в деревне почти не было жителей, все разбежались»*. (Помните, шёл второй день

войны, авиация врага бомбила наши города и сёла).

Долгие годы младшему Михайлину А. И. шли письма из Белоруссии, в которых взрослые и дети писали о результатах поиска могилы генерала. *«Точнее место нам указал Шарейко Станислав... Был в Макаровцах ещё один дедушка, он уже умер, так тот тоже показывал это место, что и Шарейко»*, – так писала Анастасия Степановна – жена Трафименкова В.И. – учительница Макаровской школы. Интересные сведения сообщил ученик этой же школы Поплавский Иосиф.

Таким образом, спустя много лет, с помощью работников военкомата, ветеранов войны, при активном участии учителей и учеников Макаровской 8-летней школы было точно установлено место захоронения генерала Михайлина И.П.

В марте 1975 года, как уже говорилось выше, *«останки И.П. Михайлина... были перезахоронены в Большой Берестовице – на земле, за которую отдал свою жизнь этот человек»*.



* * *

В 1998 году полковник Анатолий Иванович Михайлин вместе с женой ещё раз приезжал в Берестовицу, чтобы поклониться могиле отца, встретиться с людьми, которые оказали ему помощь в её поисках. Гости несколько дней ездили по району, знакомились с его достопримечательностями и людьми. Гости на память сфотографировались у могилы генерала Михайлина. Вот тогда Анатолий Михайлович передал автору этого очерка копии документов из личного дела генерала Михайлина, которые использованы в этом материале.

Супруги Михайлины обещали приезжать в гости... Но через месяца два поступило сообщение от Анатолия Ивановича, что жена погибла в автокатастрофе, а он «в знак протеста против того произвола, что творится в России», уезжает на Украину. Больше сообщений от него в Берестовицу не поступало.

При встрече он рассказывал, что у него в Москве живёт дочь по имени Лена. Но все предпринимаемые попытки отыскать её успехов не принесли...

Ивана Прокофьевича Михайлина нет в живых... Но на улице Михайлина находится школа, где учились и учатся сотни девочек и мальчиков, за свободу которых он отдал самое дорогое – жизнь.

А в тихие майские вечера в густых липовых кронах поют и заливаются неповторимыми трелями берестовицкие соловьи. Здесь они поют по-особому мелодично и с волнующими душу переливами. Свои майские трели, говорят в народе, соловьи посвящают влюблённым. А в Берестовице они ещё поют и о тех и для тех, чей прах покоится под тенистыми липами, в этом уютном уголке Берестовицы, возле памятника «Скорбящая мать»: для генерала Михайлина и десятков известных и безымянных солдат, которые погибли на берестовицкой земле, освобождая её от фашистов. Погибли за нас, за вас, за всех живущих на этой прекрасной земле.

Николай Паценко,
Лауреат премии Президента Республики Беларусь
«За духовное возрождение».